

СОЛДАТЫ СМЕРШ

Романы о неизвестных боях

АЛЕКСАНДР ТАМОНИКОВ

СМЕРТЬ
ПОД УРОВНЕМ
МОРЯ

МОСКВА
2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
T17

В коллаже на обложке использованы фотографии:
Kozlik, Dario Lo Presti, Sergii Votit / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Тамоников, Александр Александрович.
T17 Смерть под уровнем моря / Александр Тамонников. — Москва : Эксмо, 2021. — 320 с. — (Солдаты СМЕРШ. Романы о неизвестных боях).

ISBN 978-5-04-182711-3

1944 год. Крым. Отступающие фашисты спешно готовят к вывозу в Германию уникальную коллекцию живописи, хранящуюся в местном музее. Спасти шедевры поручено партизанам во главе с капитаном СМЕРШ Вадимом Сиротиным. Им удается выяснить, что бесценный груз находится на борту подводной лодки, которая стоит в хорошо охраняемом доке. Группой проникнуть туда невозможно. Тогда Сиротин решает в одиночку пробраться на объект и вывести из строя немецкую субмарину. Капитан понимает, что идет на верную смерть. Но в последний момент к нему приходит необычная помощь...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-182711-3

© Тамоников А. А., 2018
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ГЛАВА 1

5 ноября 1941 года, Ялта

Ветер гнал по Корабельной улице обрывки газет, картонные коробки, рваную мешковину. Хлопали незакрепленные ставни и створки ворот, гнулись облетевшие деревья. Солнце встало несколько часов назад, но не могло пропасть сквозь плотную облачность. Ветер усиливался, переходил в порывистый. Иногда с серого неба начинал сыпать мелкий дождь, но быстро уставал и прекращался. Температура составляла чуть выше ноля. В последние сутки заметно похолодало.

Рокотала отдаленная канонада. Улица на восточной окраине крымской жемчужины словно съежилась. Небольшие дома жались в кучку, ждали чего-то страшного. Живых существ с улицы выдуло, не считая пары собак с поджатыми хвостами. Они ковырялись в мусоре, пугливо косили по сторонам.

По переулку, пересекающему Корабельную, с ревом пронеслась разболтанная полуторка. В кузове ругались люди. Стих посаженный двигатель. Звякнула калитка в воротах, выпустила нескольких человек.

Двою мужчин несли набитые чемоданы, тяжелые вещевые мешки. Женщина в платочке вела за руки двух маленьких детей. Они спотыкались, хныкали. Кучка людей растворилась в том же переулке.

В санатории «Пограничник», венчающем живописный холм, тоже не замечалось никаких признаков жизни. Тоскливо чернели оконные проемы. В них не осталось даже штор — все вывезли.

Глухо зарокотали земные недра. Послышались раскаты, похожие на гром небесный. Минеры подняли на воздух городскую электростанцию, чтобы не досталась врагу. Водопровод подорвать они не успели, облегчили жизнь оккупантам на ближайшие годы. Испуганно заскулили собаки, рвавшие мешок с мусором, прыжками помчались под ближайшую ограду.

За всем этим хмуро наблюдала величественная гора Ай-Петри. Она висела над Ялтой как дамоклов меч.

В середине октября немецкие войска прорвали укрепления у села Ишуунь, прошли Переяск и вторглись в степной Крым. Потрепанные части 51-й армии отходили с боями, цепляясь за каждый клочок земли. Танковые колонны вермахта буквально разрезали позиции защитников Крыма. Разрозненные части отступали в Севастополь, в Керчь, рассеивались по горам, где превращались в партизанские отряды.

Остановить напор военной машины Германии было невозможно. Пали Джанкой, Симферополь, Бахчисарай. Обескровленные советские войска шли через Ялту на Севастополь, где спешно создавался новый укрепрайон.

Одно из таких подразделений появилось в конце Корабельной улицы. Усталые солдаты брели, не соблюдая строй. Формально — батальон, фактически — меньше роты. Почекневшие, небритые красноармейцы в касках и пилотках тащили на плечах трехлинейки, катили за собой станковые «максимы». Многие были перевязаны. Засохшая кровь пропитала бинты.

Сбоку, прихрамывая, шел командир. Из-под ворота засаленного бушлата выглядывали знаки различия, три кубаря старшего лейтенанта. Он исподлобья смотрел на окна домов.

Кое-где еще теплилась жизнь, за шторами мелькали силуэты. Но никто не выходил на улицу, не провожал родную Красную армию. В городе осталось не больше половины жителей. Да и солдаты прекрасно понимали, что назад вернутся не скоро, опускали глаза, смотрели себе под ноги. Лишь иногда, когда разгоралась канонада на севере, они вздрагивали, оборачивались.

Подразделение свернуло на улицу Кирова и растворилось в пасмурной дымке. К набережной солдаты не спускались, шли по холму.

Два трехтонных грузовика вышли из ворот Массандровского винодельческого завода, свернули в узкий переулок, стали спускаться к морю. Они вывозили последние партии дорогих коллекционных вин. Все самое ценное было уже отправлено в Тбилиси и в Куйбышев. Сегодня утром на предприятии были взорваны глубокие подвалы, где хранились знаменитые напитки, расстреляны винные бочки. Приказ командования был неумолим. Не оставлять врачу ни капли крымского вина!

Грузовики выехали на соседнюю улицу, где было оживленно. Люди в форме НКВД выносили опечатанные ящики из хранилищ Госбанка, грузили в кузова. Во дворе горели стопки макулатуры.

Схожая ситуация наблюдалась у горкома партии и исполкома совета народных депутатов. Там тоже стояли машины с откинутыми бортами. Грузчики в форме трудились не покладая рук.

В стороне плакали какие-то женщины. Они с тоской смотрели на то, что происходило вокруг.

Через несколько минут грузовики вошли на территорию порта. Над ней висел разноголосый гул, рев моторов.

Море штормило. Волны разбивались о мол, тянувшийся в восточной части гавани, к причалам доходили в урезанном виде. Но даже там

они облизывали бетонные парапеты и сваи, накатывались на прибрежные камни.

Канонада нарастала, становилась объемной, уже не звучала просто фоном. По набережной на юго-запад тоже брели солдаты.

— Куда вы уходите? — кричали из толпы. — На кого нас бросаете? Опомнитесь!

Солдаты опускали головы. Никто не поворачивал. Потрепанные роты двигались по набережной, втягивались в горы.

Полным ходом шла эвакуация населения и раненых. Многочисленные санатории и пансионаты с началом войны были приспособлены под лазареты. Эвакуировать людей по сущему было нереально — куда? Немцы перерезали все артерии.

На пристани творилось что-то непотребное. Давились люди, машины. Надрывали глотки солдаты войск НКВД, трясли карабинами, сдерживая толпу. У причала стояли несколько военных катеров, баржа с пробоиной в борту. Солдаты теснили людей, создавали коридоры, по которым санитары доставляли раненых к трапам.

Здесь собирались не меньше десяти тысяч человек. Все они хотели покинуть Ялту.

У причала загружался пассажирско-грузовой теплоход «Ливадия», внушительное судно водоизмещением почти шесть тысяч тонн, длиной больше ста метров. На него лезли люди, штурмовали трап, ругались с охраной. Многие

теряли чемоданы. Те летели в воду, падали на камни. Плакали женщины и дети.

— Граждане, не давайтесь! — орал в рупор простуженный голос. — Соблюдайте дисциплину и порядок! Паникеры и бузотеры будут расстреливаться! Не давить, всем отойти!

Солдаты стреляли в воздух, чтобы сдержать толпу. Матерщина стояла отборная. Сотрудникам НКВД удалось потеснить народ. Грузчики вносили на борт ящики, привезенные с винодельческого завода.

— Вы только полюбуйтесь! — заорала какая-то баба. — Вино им дороже людей! Мы пусть пропадаем, а бутылки надо вывезти!

Народ роптал, но на штыки не бросался.

По палубам метались члены команды, распределяли беженцев и раненых. Людей не считали, рисковали перегрузить судно. «Ливадия» уже просела ниже ватерлинии.

— Мы вам что, резиновые?! — выкрикнул капитан в лицо офицеру с петлицами НКВД.

Других пассажирских судов сегодня не было. В конторе порта разрывались телефоны, бралились люди.

Население Ялты в эти непростые дни разделилось пополам. Одним надо было срочно уезжать. Не важно, куда именно, лишь бы по дальше от фашистов. Другие решительно отказывались покидать свои жилища, не видели особых различий между словами «эвакуация» и «оккупация».